

ПИСЬМА ДОМОМ

/материалы к изучению культурной ассимиляции/

Выпуск 1

КОРРЕСПОНДЕНТЫ:

АЛЕКСАНДР - инженер; Борис - 8 лет; Виктор; Геннадий - филолог; КИРИЛЛ - философ, 33 года; ЛЕВ - математик, 32 года; НИНА; РИХАРД - программист, 28 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЯ:

1. Все публикуемые письма получены через официальные каналы.
2. Издателем сделаны отдельные сокращения и изменения /в том числе имен собственных/.
3. Хронологический принцип при публикации не соблюдается.
4. Продолжение "Писем домой" последует по мере их накопления у издателя.

С.ОСЬМЕРКИН

ПИСЬМО ОТ КИРЕЛЛА

В моей жизни сейчас много рутины. Для того, чтобы существовать заново, нужно много информации — английский язык, который я учу, всего лишь средство, и так обстоит в большинстве случаев: занят более средствами, знаками, чем значительным.

Есть вещи, о которых нужно говорить подробно, чтобы быть понятым. Среда требует приспособления, и в обмыленной жизни это выглядит так, к примеру, что ты должен знать тысячи бытовых мелочей. Должен знать, что такое в Нью-Йорке аптаун и даунтаун, иначе не сможешь ориентироваться в лабиринте метро; какую марку наклеить на конверт, так как письма здесь взвешивают; в каком магазине, что покупать, как ориентироваться в самих товарах, что не дается, скажем, за три месяца.

И так поначалу все, и ничто без первоначальных трудностей, которые надо преодолеть во всех мелочах жизни, что не всегда просто при слабом знании языка и без квалифицированного гида. Сначала не знаешь даже, как, куда, где и кому уплатить за газ, телефон, электричество, квартиру, где прачечная, как обращаться с автоматами в ней, что такое денежный ордер, без которого не обходятся никакие денежные платежи. И еще миллион чепухи: как войти в дом, если приходишь в гости, ибо парадные везде закрыты, и нужно знать, какую кнопку нажать, чтобы вызвать в диктофон хозяина, и как переговорить с ним, и как он тебе откроет дверь, чтобы ты все-таки открыл ее, а не начал вызывать хозяина снова. Как написать заявление о приеме на работу, и где найти объявления о требуемой рабочей силе, и как прочесть их, ибо они составлены сплошь из сокращенных слов и аббревиатур, и как снять квартиру, и подписывать ли с домовладельцем договор, и где печатается информация о новых выставках и т.п., так что обычные дела, которые делал автоматически и не считал за дела, делаются теперь с препятствиями и требуют массу времени.

Ты рискуешь погрязнуть в информативном уровне жизни, т.е. во всем том, что называется аккомодацией, приспособлением или усвоением внешних знаковых систем и языков (помимо английского). Все это отнимает много времени и энергии, пока достигнешь былого автоматизма в этой жизни, чтобы сохранить силы для внутренней жизни. И надо сказать, что интенсивные порции информации, вроде названной, притупляют интуицию. А ты должен, напротив, всеострить ее, чтобы почувствовать страну, еще непонятную тебе, услышать ее проблемы, научиться читать лице.

Помимо чисто информативного и интуитивного уровня, есть ведь еще уровень культуры. Необходимо понять и обобщенную философию этих людей, систему образования, отличающуюся от европейской, историю страны, ее географию. Чтобы жить в этой культуре, нужно знать новые имена и названия, направления и учения. Старый опыт оказывается здесь слишком локальным. Удельный вес ценностей должен быть изменен, а это тоже работа. Вместе с тем, нужно зарабатывать себе на прокорм, образовывать новые связи и новую дружбу. Нехватка времени и заброшенность в сферу информативности отупляет, однако, постепенно учишься адать. Вот такая нынче у меня жизнь.

ПИСЬМО ОТ ВЬКТОРА

Никого из американцев наши беды не волнуют. Они с удовольствием приглашают к себе в гости, приезжают сами, вкусно пьют и едят, говорят о погоде, спорте, редко об искусстве, никогда о книгах, и при этом постоянно улыбаются. С ними нельзя делиться своими проблемами и горестями. Отношения с американцами могут быть только развлекательно-дружественными. Они не поймут и не помогут. Не поймут, ибо считают, что у каждого достаточно своих проблем, зачем ему еще и чужие. Не помогут, ибо их заботы

направлены исключительно на собственные семьи. Конечно, исключения есть и здесь.

Что же касается приехавших, то это — Одесса в худшем смысле этого слова; живут все рядом, но обособленно, усиленно сплетничают, завидуют любому успеху другого и радуются чужому горю — все как в коммунальной квартире.

Людьми без специальности здесь оказываются: бухгалтеры, экономисты, плановики, адвокаты, дантисты и всевозможные "руководители" — от мастера до главного инженера. Без специальности оказываются и врачи, но у них есть перспектива сдать самый сложный экзамен в объеме вуза. В лучшем положении медики, не имеющие непосредственного контакта с пациентом — радиологи, биохимики и т.п. Музыканты-джазисты могут легко найти работу; куда сложнее "классикам" (солистам, оркестрантам, преподавателям музыки) — вакансии редки, а конкурсы сложные. Исключения составляют крупные имена — лауреаты конкурсов и т.п. Художники все как-то устроиваются и зарабатывают на жизнь своим родным делом. Особенно хорошо тем, кто знает рекламу, оформительское дело, дизайн и т.п., так как это может быть основным заработком, оставляя время на живопись, которую — покуда автор не приобрел известности — довольно сложно продать по высокой цене. Писательская братия имеет полную возможность писать и печатать все, что угодно, и на любом языке. Однако, если речь идет не о статьях и заметках в периодику, а о книгах, печататься надо на свои деньги или искать мецената-издателя. Если книга будет распродана, да еще и переиздание выдержит — это станет заработком. Как правило, все пишущие имеют еще какую-либо работу — от преподавания в университете до работы официантом — и живут в свободное от работы время.

Работу с преподаванием русского языка найти очень и очень трудно — даже при хорошем знании английского. Далеко не во всех университетах есть русские отделения, и на каждую вакансию — масса претендентов. Преподаватели английского языка и переводчики, приехавшие сюда, никаких преимуществ перед рядовыми американцами не имеют, поскольку по-

следние довольно сносно говорят по-английски. Легко найти работу людям, привыкшим или умеющим работать руками: электромонтерам, сварщикам, механикам по автомобилям, водопроводчикам, плотникам, малярам и т.п. Забыл сказать о киношниках. Здесь они — в безвыходном положении. Кино есть лишь в немногих крупных городах, а вакансий почти не бывает. Фотографам легче, но опять же — нужен язык.

Вообще, надо быть готовым к любой работе — от сортировки носовых платков на фабрике до уборки посуды в кафе и пр. и пр.

ПИСЬМО ОТ РИХАРДА

Как я уже писал, я получил несколько предложений о работе и выбрал "Дженерал Электрик". Оклад мне положили 17 500 долларов в год. Работа идет примерно такая же, какая у меня была — программирование по задачам управления производственной системы, и это хорошо, так как мне и так предстоит достаточно много осваивать.

Условия работы спокойные — никто меня никуда не торопит. Все с удовольствием отвечает на вопросы, которые я задаю, и настроены очень благожелательно. На работу можно приходить в 7.45, а можно в 8.00, обед в 12, причем атмосфера достаточно свободная, хотя я пока стараюсь быть точным. Все разговоры об американской пунктуальности не оправдываются. Например, мой учитель вождения приезжал ко мне на 15-60 минут позже условленного времени, очень извинялся, но в следующий раз делал то же самое. Что касается одежды, то на улицах и даже на концертах можно встретить людей в чем попало и даже почти ни в чем, но на работу ходят аккуратно одетые, многие каждый день — в новом костюме.

Базу я совершенно свободно, и мне это занятие, вопреки ожиданиям, понравилось. Уже отъездил больше 3000 км, хотя дальше, чем на 100 км на своей машине еще не выезжал.

Приобрел машину стереоприемник с магнитофоном, можно наслаждаться музыкой в дороге. Дома у нас сейчас три проигрывателя, так как дочки конфликтовали на тему, какие пластинки слушать. Купил около ста пластинок, подержанные, но в очень приличном состоянии. Новые пластинки пока не покупаю, они намного дороже.

На работе на Рождество будет 3 плюс 2 выходных дня. Здесь, если праздник приходится на субботу или воскресенье, выходной день дается еще в какой-нибудь день недели — пятницу или понедельник, так что количество выходных всегда одно и то же. Мой начальник попросил сообщить ему мои религиозные праздники, и сказал, что я могу в эти дни не работать.

1978 г.

ПИСЬМО ОТ ЛЬВА

КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОКУПАЮТ. Вы, наверное, думаете, что раз всего хватает, то проблемы "где достать" не существует. Ничего подобного. Эта проблема лишь формулируется немного по-другому: "где достать подешевле". Цены на один и тот же товар в разных магазинах очень разные /бывают магазины "дорогие" и "дешевые" в целом, да еще может быть, что в одном магазине сравнительно дешевое мясо, а в другом — фрукты/. Кроме того часто устраиваются "распродажи", когда все продается в полтора-два раза дешевле, чем обычно. Главное, на что смотрит американская хозяйка, открывая свежую газету — где распродажа. Нужно еще добавить, что товары примерно одинакового качества, выпускаемые разными фирмами, могут иметь совершенно разные цены. Погоня за дешевизной — основное занятие американской домашней хозяйки, когда она занимается покупкой. Доставшая что-то по дешевке гордится этим и хвастается перед знакомыми /думать об этом не стыдно даже для богатой женщины/. Забавно, что такая экономия не только ничтожна, но часто лишь камуфляж, т.к. американка в погоне за экономией проезжает гро-

мадные расстояния— выбирая из многих магазинов— и терлет на бензине не меньше, чем выгадывает на ценах. Сначала я думал, что это просто глупость, но сейчас мне стало казаться, что эта глупость (с точки зрения каждой отдельной семьи) выполняет важную социальную функцию. Из-за глупого желания хозяйки выбрать товар подешевле, фирмы больше думают о том, чтобы цена на их товары была ниже. При наличии к тому хоть малейшего повода, фирма сообщает в рекламе, что ее товары дешевле, чем у конкурентов. Кто знает— если бы американцы не были так обеспокоены конечной экономией, не были бы все цены на товары широкого потребления в два раза выше?

ФЛАГ И ГИМН США. Шуму вокруг них необычайно много, чего я совершенно не ожидал, направляясь сюда. Флаги развешиваются где попало, над любой лавчонкой, хозяин которой достаточно патристичен. У себя в кабинете в конце каждого рабочего дня я слышу доносящийся из окна гимн. Маленькие флажки стоят даже в частных квартирах, хотя и редко. У окна в школе ученики ежедневно строятся перед флагом, выслушивают гимн и, положив руку на сердце /в буквальном смысле/, произносят торжественные слова о своей преданности флагу США и стране, символом которой он является. Таков общий порядок для всех школ /по крайней мере государственных/. Смиу это нравится. С другой стороны, он похвалил одну из своих учительниц, которая сказала им в новом учебном году: "Если кто-нибудь из вас— не американец, или ему по другой причине неприятно произносить эти слова, можете этого не делать." Внешнее насаждение патристизма сочетается в Америке со столь же бешеным наслаждением свободомыслием. В Калифорнии мне случилось видеть на обложке ресторанного меню пародию на текст американского гимна!

1977 г.

ПИСЬМО ОТ КИРРАЛА (2)

Были у меня каникулы, а теперь опять работа. Рассказываю студентам об идиомах и поговорах, фольклоре и грамматике. Занят в колледже семь часов в неделю. Это — полставки, шесть триста в год. Утешаюсь, что не я один, но целых 16% американцев моей возрастной категории получают такую же зарплату. Знакомые говорят, что мы приехали в наихудшее время за последние 40 лет, т.е. со времен Депрессии. Однако, если у этих 16% еще и жены работают, то картина меняется, и материальные проблемы перестают маячить. Словом, так же, как ярды и футы в общем-то не переводимы на язык метров и граммов, так и все измерения этого общества становятся ясными в контексте, а не когда мы смотрим со стороны — со своим фасеточным зрением и фрагментарным знанием. Сие общество — позитивное, отчасти потому, что лишено трагических традиций; плюралистическое, но примитивное; доброе, но с волчьими островами; здоровое, но с заксервированными болезнями. Расовая проблема глубже, чем я думал, хотя расстановка сил обратная, чем я полагал. Я вижу здесь скорее расовую, чем национальную проблему. Местные албанцы, татары, французы, калмыки, вгославы — это вообще не проблема, они все американцы.

Я странно образом занят, а все эти 50-60 еженедельных выставок и столько же концертов, пьес, лекций проходят мимо меня. Привыкаешь, стандарт сенсации меняется.

Поэзия переживает эпоху расцвета, не хуже серебряного века, а об этом знает столько же людей, сколько знает, скажем, о новинках зубочелюстной. Впрочем, о последнем знают больше, ибо на тему зубообращения пишут в популярных журналах.

ПИСЬМО ОТ ВОРЕСА

Здравствуй, дорогой Бра!

Я тебе пишу третье письмо, но от тебя не получил ни одного. Пиши, пожалуйста, почаще.

Недавно я купил маленького котенка. Я учусь кататься

на роликовых коньках, потому что каждый ребенок в Нью-Йорке, если не имеет роликовых коньков, то имеет велосипед. Я живу в своей отдельной комнате вместе с котенком.

Я видел много интересных игрушек. Помнишь, у тебя был пластмассовый рыцарь, который весь разбирался. А здесь я узнал, что есть разные наборы рыцарей, космонавтов, ковбоев и еще каких-то людей. В каждом наборе есть три человека. Я купил один набор, в нем два пеших рыцарей, которые все разбираются, и один рыцарь на лошади. Потом я еще купил огромное количество индейцев и ковбоев.

Учимся мы здесь 6 часов, и только одна большая перемена для ланча. После ланча мы бежим во двор, и там творится то, что ты себе не можешь представить. Все дети орут и бегают изо всех сил. А потом мы идем доучиваться остальные три часа. После этого я бегу домой, потому что ровно в три часа начинается дневная программа по телевизору. Сначала мультфильмы: "Каспар" — это про доброе привидение, потом "Хако Бери Хаун", а потом "Вакс Бани". Дальше фильм "Лост Бислэйс", это по пятой программе, а по 11 программе я смотрю "Монстр" или "Килингс айленд". Потом начинается передача "Ай дрим оф Джинни", а потом идет "Зе Вайлд-Вайлд Вест" — это про двух сыщиков 18 века. Там есть места, как он дерется с японцами, ездит по всему свету. Потом есть еще всякие детские передачи, но я смотрю очень часто два фильма. Один про всякие поделушничанья, а другой про убийства. Дальше я выключаю телевизор.

Мне очень не хватает тебя. У меня много игрушек, но мне не с кем играть. Мы здесь знаем многих знакомых людей, но у меня нет друзей, и я играю поэтому с одной девочкой. Она старше меня, но в отличие от всех других, она здорово дерется, и поэтому мои жизни утешают драки с ней. Дерусь я во много раз лучше не только тебя, но и многих детей. Хотя многие дети из моего класса ходят в школу карате и дзю-джитсу, но я дерусь лучше их, потому что насмотрелся столько фильмов про карате, что не

страшусь ничего. Каратисты и я, в отличие от русских детей, берут свою ногу и ударяют в противника.

Если бы ты приехал ко мне в гости на каникулы, мы бы с тобой отлично провели время, потому что под Нью-Йорком отличное место. Я ездил с папой в штат Коннектикут на дачу, и там видел ошота, 5 оленей и белку.

Здесь есть магазин гадостей. Например, продает сосиску, она дымится, как настоящая, кусаешь, а она резиновая. Продает пластмассовых тараканов и многих других. Когда приедешь, сам увидишь. Бандитов здесь много, но только в одном районе. Письм мне как можно чаще и обязательно приезжай. За меня писали мама и папа, а я диктовал.

ПИСЬМО ОТ ЛЬВА (2)

НЕКОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ. Я уже писал о том замечательном мастерстве, с которым здесь составляются рекламные телевизионные передачи. Интересно, что с тем же вкусом, мастерством и талантом делаются передачи некоммерческого характера — религиозные, медицинские и другие. Вот пример. Мальчик вбегает в дом: "Я получил нятерку!" Ответ отца из-за экрана: "Закрой дверь", — лицо мальчика вытягивается. Девочка кричит маме из кухни: "Я вымыла посуду!" Мама из-за экрана: "А пол ты подмела?" — девочка огорчена. Еще одна-две сцены того же рода. Голос диктора: "Не упускайте случая похвалить своего ребенка, иначе вы лишаете радости и его, и себя". Надпись на экране: "Это сообщение подготовлено Церковью Святых Последних Дней" /мормонов/. Вся программа — длительностью не больше минуты, и, несмотря на открытую нравоучительность, вызывает не раздражение, а желание задуматься. Во многих таких рекламках, как и в коммерческих, имеется чеканная запоминающаяся последняя фраза. Год назад я видел программу, призывающую проходить регулярные профилактические осмотры на предмет рака. До сих пор помню последнюю фразу: "Ужасно узнать, что у тебя рак, но еще ужаснее этого

не узнать."

Два типа духовной жизни. Я увидел здесь два типа центров духовной жизни — университеты и религиозные общины. С университетами все очень похоже на СССР, с той разницей, что о всех начинаниях студенты ставятся в известность не только через близких друзей, но и яркими афишами на стендах. То приглашают в школу "трансцендентальной медитации", то на еженедельные собрания сторонников Христианской Науки, то на спецкурс по "радикальным экономическим учениям" /имеется в виду марксизм/, то на конференцию "Женщина и секс"; о концертах и фильмах нечего и говорить. Сегодня, например, в университете меня поймала на бегу какая-то незнакомка и стала уговаривать голосовать за рабочую партию

Религиозные общины наиболее распространенного типа — церкви и синагоги, которые я видел, — ничуть не похожи на то, что можно представить начитавшись, скажем, книг про Индию. Если видеть в религии — молитвы, пост, благочестивые беседы и размышления, то в заботу американских церквей отнюдь не входит желание быть центром такой религиозной жизни. Основное в их жизни, как мне кажется, — забота о повседневных нуждах своих членов. Если нужно навестить больного, подкинуть денег нуждающемуся, организовать летний лагерь для детей, помочь найти работу, устроить школу танцев, пригласить лектора по внешнеполитическим вопросам или попросить бывшего человека поделиться впечатлениями о России или Африке, — всем этим занимается не райком или профком, а церковь. Церковь — группа не столько людей, сколько семей, в которой каждая семья чувствует себя своей и рассчитывает на поддержку в трудную минуту; без такой группы семья чувствовала бы себя не так уютно в мире, где государство не собирается ни о ком заботиться, а ставит перед собой чисто отрицательную задачу — охранять граждан от посягательств на их законные права. Я несколько утрирую, т.е. государство платит, например, пособие по безработице, однако даже этот факт у многих вызывает беспокойство: не лишает ли государство таким образом граждан столь высоко ценимой здесь "инициативы"?

Но и богослужение, и проповеди, и религиозные школы — все это тоже организуется церквями, так что церкви являются центрами не только социальной, но и духовной жизни.

1977. г.

ПИСЬМО ОТ ГИМНАДИЯ

Получил твое ноябрьское письмо, чутко осязающее булгаковские недра. Столько воды утекло, что "Мастера" оставляю до лучших времен; а распахивать буду Букинна, корневое и честного, незнакомого Западу. "Чудаки" его вселись давно болью праведной; и самораскрытие этих самовитых характеров стягивает липовые одежки с язы реальности худой. Праздник души всегда с ним — отекает и мочалит накипь прилипально-неустанныую. Это священный консерватизм натуры, которая топит себе баню по неизменному обычаю предков! Вот и подвиг и мораль сразу. "Винтик" не вписывается и не выпадает /его не выпадают!/. Нет при этом мечтательной ретроспективности /любимые болячки — не праздные вздохи!/, маскарадной поэзии дедовских нарядов — это русская быль: не васнецовские "Богатыри", а врубелевский; не базарный "добрый молодец", а несокрушимый... лишний почти человек, неуступчиво знающий, что "вирежь во все дни земли сияние и жатва не прекратится"...

Я не курю. Пью редко /правда "метко"; американцы пьют вразбавку, со всячиной коков-соков; а я строгаца в надежном доме гостевом — любят тут меня, в В.С., несколько человек, почти по-русски: безгранично.../ По ТВ гонят обычно рекламные штучки: например, в драматический момент призываются беспардонно девицы и начинают возню вокруг безразмерных трусиков. Какой там Аристотель, какой катарсис! Эстетическое впечатление разрушается — хуже чем Базаровым, когда тот пристрелил тираду вопросом прикурным... Это прием "практического историзма" /пассеистический подход к факту/.

Таково мое беглое "выражение лица" на тень событий вне меня... Как у Булгакова /"Адам и Ева"/: Адам /целует Еву/. А чудная опера этот Фауст. А ты меня любишь? Или как у Мандельштама 1913 года - об американке: "Не понимает ничего, Читает "Фауста" в вагоне И сожалеет, отчего Людовик больше не на троне". /Подтекстно связанные мысли, ибо причинно-следственный ряд постоянен: "генетическая" тенденция расшифровывается временем и только несколько видоизменяется/.

Но отчасти лую: хотя в целом американки кулообразны, их достоинства - не "печко-лавочного" свойства, а с заметной примесью - к американщине-то! - наивного отражения безумного /в полном смысле этого слова/ мира, производящего в них сумасшедшие преобразования. Как невольное сопротивление - "холодный расчет", часто неосознанный даже - от молока ТВ - корилицы. Из-под потока рекламного навязывания трудно выйти целой и невредимой, еще труднее получить дорогое образование, и почти немислимо "для дамы" - независимое самообразование; отсюда эпидемия - читай в советских газетах - около тысячи одноразовых самоубийств на почве "поманил" /нет достаточного внутреннего центра, по-сему и спекулятивная, даже не очень умная, притяжка самоубийственно-сильная/. Впрочем, хватит об этом.

ПИСЬМО ОТ КИРЛАЛА (3)

Сейчас я в Монтерее, в гостях у жены и сына. Так складывается жизнь, что не удается жить вместе. Контракт на работу в Дейвисе подписан до лета, а там, может, удастся перебраться поближе к дому.

Серенький денек, идет тонкий дождик, за окном на горе - сосны, уникальная и очень картинная здешняя порода. Я тихо домогоседействую - канликулы между зимней и весенней четвертями. В прошлое воскресенье библиотека в соседнем

городке распродавала часть своих книг, не пользующихся спросом. Я купил два ящика книг по бросовой цене, и теперь просматриваю их. Между ними — книга человека, частично воспитавшего мой дух в молодости. Когда-то по-русски было издано много его работ, но эту книгу Аткинсона /Рамачарака/ я встретил впервые. Книга называется "Мастерство бытия" — первое издание /1911 год/, с портретом автора — и представляет собой изложение философии, демонстрирующей необходимость и благо идентификации "я" и бытия.

Ты пишешь об экзистенциализме. Тут он никогда не внедрялся глубоко, не распространялся широко. Наблюдения покажут мне, что хотя философия есть нечто большее, чем конкретная национальная идея, — ее реальное существование всегда осуществляется в рамках нации. Здесь, например, нет почвы ни для экзистенциализма, ни для феноменологии, зато великолепная почва для утилитаризма, прагматизма, логического позитивизма и аналитической философии. Местное национальное сознание "торчит" на КАК, благодаря чему философские вопросы типа ЧТО кажутся несущественными и "с легкостью" опровергаются. Недавно просмотрел позднейшую работу одного из идолов академической философии — так называемую "Синюю книгу" Витгенштейна. Он делает философию зависимой от языка, но что еще хуже /это для Витгенштейна очень принципиально/ ставит ее смысл в зависимость от слова и даже от говорящего. Такого рода лихая манипуляция смыслами, опускание самой природы Смысла на вербальный уровень, представляется мне воистину дьявольской затеей.

Любопытно, что когда я был в России, подобные темы /экзистенциализм, смысл, бытие, "общие вопросы"/ представлялись самыми принципиальными, главными, важными. В здешнем освещении они выглядят очень частными — такими же, как, скажем, бизнес автомеханика или страхового агента. Иерархия ценностей явно не та, общих ценностей как будто вообще не существует, и если хочешь писать об "общих вопросах", то совершенно неизвестно, к кому обращаться, кто твоя аудитория.

Трудно объяснить в двух словах атмосферу, в которой разваливается привычная пирамида ценностей. Сделав, тем

не менее, робкую попытку. Скажем, для нас Пушкин — "это все" поэт, зачинатель литературного языка и т.п. и т.п. Так это и было для меня. Но вот недавно я перечитывал пушкинские стихи поздних лет, все подряд, много думал о нем, как о человеке в своей повседневной жизни — и увидел его не как "лучшего" или "высшего", а как одну из личностей. Личности, если они таковы, не выше и не лучше одна другой, и не кирпичи для построения иерархии — они равны, независимо от количества и качества произведенной "продукции". Я не утверждаю, что это лучшая перспектива видения, это просто иная перспектива, выросшая во мне или навязанная мне опытом последних лет.

Вопрос, который я задел сейчас, непомерно большой. Например, в современной Америке вполне возможен Набоков и даже Набоковы, но я не представляю себе возможным — здесь и сейчас — Достоевского, с его "Дневником писателя", обращенным ко всей просвещенной нации, Толстого, с его проповедью, пусть сомнительной, но скрепленной силой авторитета его имени, или Белинского, превратившего литературную критику в философию жизни. В Америке Белинский стал бы всего-навсего университетским профессором, писавшим книги и известным двум тысячам своих коллег в области русской филологии. Достоевский — как автор "Дневника" — был бы издателем малоизвестного журнала, не оказывающего никакого влияния на общественное мнение. А Толстой, как автор нравственных трактатов, основал бы еще одну, трехсотую или пятисотую секту, и миллионам людей, обладающих дипломами университетов, не было бы до него никакого дела.

Каждый здесь имеет свой частный, приватный мир, и нет единого, общего интеллектуального или духовного кумира. Вяч. Соловьева — даже по имени — не знает ни один профессор в моем университете! Сказать, что это свидетельство невежества, нельзя, как нельзя сказать, что это свидетельство образования. Бердяев и Шестов по жизни прожили в Европе. Здесь их не знает никто, и вместе с тем, из 12 книг Шестова — восемь переведены на английский язык. В американской философской энциклопедии 14 страниц уделены Расселу. Следующая статья — Русская фи-

лософия- тоже занимает 14 страниц.

Передать манеру видения труднее, чем передать какую-либо идею... Я не удивился, если моя попытка мне не удалась. По крайней мере, я обратил твое внимание на значительный феномен, в свете которого никто не может и сказать: "Пушкин - наше все".

1978 г.

ПИСЬМО ОТ НИНЫ

Ира, ты просила меня описать некоторые мои впечатления. Постараюсь. На первых порах меня поразило то, что в метро, в часы пик, когда все стоит в тесноте, никто тебя не толкает и не ругается. Все спокойно, не торопясь входят, и водители терпеливо ждут. Когда выходишь со станции, каждый придерживает дверь для следующего, чтобы ему не стукнуть по носу, даже если сам спешит. Поневоле привыкаешь то же самое, а не отпускаешь дверь на волю судьбы. Везде слышишь "сорри", "экскуз ми" по таким пустякам, которых не замечаешь. Но это все стало уже привычным.

Лучше опишу свою поездку в бойскаутский лагерь, куда я определила на две недели сына. Поскольку мы еще бедные, то сделали это нам бесплатно. Я осталась на уик-энд, чтобы посмотреть.

Утром все дети приходят в столовую /столи и скамейки под навесом/, встают, вместе с батюшкой читают короткую молитву, и дежурный по очереди вызывает к раздаче "волчат", "балок" и "разведчиков". После еды - снова молитва. Утром и вечером на линейке подъем и спуск трех флагов: американского, русского и андреевского /может быть, ты что-нибудь знаешь об андреевском флаге?/ После спуска флагов каждый вечер - костер, на котором поют русские народные песни.

В воскресенье было крещение одной девочки /наполовину арийки/. Крестили ее в озере; было очень романтично.

но и красиво. В середине недели дети ездили в Свято-Троицкий монастырь. Мне рассказывали, как один американец зашел /двенадцать лет назад/ в этот монастырь и уже не ушел. Выучил русский язык и стал монахом. В этот уик-энд детям показывали два фильма: один — о православных местах в Иерусалиме, другой — о жизни их лагеря. Дети были очень довольны, когда узнавали себя на экране.

В будни жизнь лагеря проходит не бездарно. Детям рассказывают русскую историю, знакомят с географией, они едят нормы по плаванию, ходят по компасу и еще что-то, что я не успела расспросить. У взрослых и детей — скаутская форма. Живут они в лесу /купили огромный участок леса/, в палатках. Это объясняют тем, что в городе дети имеют все и слишком избалованы. Палатки огромные, в них деревянные помосты и две-три раскладушки. Руководители, и те, кто занят на кухне, работают добровольно и бесплатно. В лагере запрещено говорить по-английски, потому что дети плохо знают русский язык и многие говорят с акцентом. Взрослые прививают им любовь ко всему русскому; благодаря их усилиям дети уже третьего поколения эмиграции знают русский язык. Отношения друг с другом очень теплые, руководители хорошо знают детей, чувствуют их характер и помогают им.

1974 г.

ПИСЬМО ОТ АЛЕКСАНДРА

Я сам оцениваю свою жизнь на что-то среднее между тремя с плюсом и четырьмя с минусом. Разница в оценках зависит от многих причин, начиная от погоды и кончая тем, есть ли в холодильнике газировка. Откуда берется неудовлетворенность? Отвечая на этот вопрос, надо сразу, что называется с порога, отмести чисто бытовые условия. Внешняя жизнь вроде бы и ни причем в потере полутера баллов по пятибалльной системе. Остается, значит, "теснение духа", или те проявления внешней жизни, которые это самое "тес-

нение" производят. Это есть. И, к сожалению, гораздо больше, чем хотелось бы, и, и бы сказал, больше, чем ожидалось. Я в разное время и в разных письмах уже писал по кусочкам о наших "моральных" проблемах. В этот раз мне хотелось бы привести эти мысли в некоторую систему. Так что же нас беспокоит?

Прежде всего, потеря сложившегося образа жизни. Интересно, что в России я никогда не отдавал себе отчета в том, что таковой существует, вернее, что существовал — понимал, но не представлял его роли для меня самого. Мне всегда казалось, что основой моего духовного существования является моя собственная личность, и что она — эта самая личность — формирует "жизненное состояние". Похоже, что это не так. Прошло уже два года, а духовно я все еще ощущаю себя в безвоздушном пространстве. Когда я говорю "духовно", то не имею в виду какие-то конкретные вещи, вроде культурной атмосферы, друзей, охоты в Крыму или посиделок у Вики с неизменным кофе. Я имею в виду все вместе. Сейчас выясняется, что с виду сумбурная и столь полная недостатков жизнь в России на самом деле была стройным зданием, в котором и сумбур, и все недостатки служили как бы необходимыми подпорками. Все пути и дорожки, лесенки и переходы внутри этого здания были тщательно и любовно искожены. При всех, казалось бы, широких внешних проявлениях — никаких значительных отклонений от этого образа жизни на самом-то деле никогда не было.

Понимая образ жизни, который пропал и не нашел пока еще себе никакой замены, мы элементарно скучаем по Ленинграду, Крыму и даже Москве. "Неэлементарным" является сознание невозвратности всего этого. Жизнь в России — вещь абсолютно невоспроизводимая в других условиях по одному тому, что вся атмосфера русской жизни не имеет параллелей.

Всеим или почти всем эмиграция дается трудно, но тем, кто приехал сюда, на Ближний Восток, труднее, чем тем, кто поехал, скажем, в Канаду. Вы не представляете себе, как трудно жить без леса, без реки, без озера, без высо-

кой травы, без старинных зданий и деревень, без пиджаков и свитеров, без снега и льда, без весенних ручьев и ледоходов, без запахов осеннего утра и белой ночи, без желтых листьев в парках и фонарей на мостиках через каналы. Иногда так хочется одеться в разные теплые одежды, зайти с мороза в какую-нибудь коммуналку на Лиговке или Садовой и трахнуть в натопленной комнате по рюмашечке, ах сил нет!

Я и раньше упоминал в письмах про этот момент, но он не казался таким важным, как теперь. Будучи по своей сути объективно-нейтральным, этот географический момент в первое время терялся на фоне казавшихся более важными общественно-политических и экономических несуразиц. Время сработало так, что сегодня эти самые несуразности воспринимаются как неизбежное следствие всей здешней истории и жизни. Они тоже перешли в объективно-нейтральную категорию, и вот тут-то лес и речка вынырнули на передний план.

1977 г.

ПИСЬМО ОТ КИРИЛЛА (4)

Россиянами в Америке склонен к скоропалительным, а поэтому и незрелым выводам о новом окружении, о новых людях и обстоятельствах. Как правило, большинство не находит здесь замены своим прежним привязанностям. Местный стиль общения весьма непривычен: он глаже, улыбчивее, возмужнее, приятнее, но мельче. И люди, которые привыкли принимать ежедневное человеческое общение серьезное, чем следует, вскоре разочаровываются в комфортабельной, улыбчивой мелкости здешних общения.

С течением времени у иностранца в Америке либо появляется тяга к себе подобным, либо он замыкается в своих комфортабельных стенах, либо, захваченный погоней за благами, он обнаруживает, что потребность в общении атрофировалась.

Кажется, я не встречал еще ни одного новопривыкшего, который хорошо бы понимал это общество. Наиболее типичная

склонность — проецировать свой прежний опыт на новые впечатления.

Местный человек со дня рождения живет здесь в ином физическом и умственном окружении. Его не пеленают в раннем детстве, не говорят "не делай того, не делай другого!" Ему разрешают начать работу в 10-летнем возрасте в качестве мальчишки-газетчика или подстригая газоны у соседей. Он больше вовлечен в спорт, чем его сверстники по ту сторону океана, и больше уважает деньги, равно как и мнение другого человека. Позднее, как правило, он поступает в колледж, так что Америка — давно уже не крестьянская страна. В колледже он тратит много времени на учебу, но вынужден подумывать и о заработке, ибо даже состоятельные семьи, как правило, не хотят платить за обучение, так что студенту приходится зарабатывать самому. То ли по причине занятости, то ли по иным причинам в колледже не развивается столь знакомого нам по университету живого, зачастую бесполезного, но абсолютно бескорыстного общения. В конце учебы студенту надо думать о нахождении работы. Безработица здесь — факт; похоже, что она умело вмонтирована в систему: по каким-то сложным причинам государству выгоднее кормить немалыми пособиями 5% безработных, чем допускать их до работы.

Нынешнее молодое поколение практичнее и прагматичнее своих предшественников конца 60-х годов. У тех были общие идеи, у этих — идеи, — если они случаются, — индивидуального, частного характера. Хиппи были куда более живой публикацией! Как движение, они /и все связанное с ними/ растворились, рассеялись, сошли на нет, однако, как индивидуумы, хиппи сохранились до сих пор, и в изрядном количестве. Особенно много их в Калифорнии, где они живут, не привлекая ничего внимания, кто сам по себе, кто небольшими коммунами. Социально их как бы не существует. Заняты они либо всякого рода восточными учениями /из этого редко выходит толк, но честных попыток много/, либо своего рода хобби, наподобие вегетарианства или выращивания марихуаны для собственного потребления.

Нигде я не ощущал такой беспочвенности для каких бы то ни было выводов, как здесь. Состояние правил и исключений таково, что трудно набраться честной смелости для определенных общественных выводов. Да и как может быть иначе, если сталкиваешься с такой стороной жизни, где под правила попадает 51% случаев, а под исключения — 49%. Такова природа действующего разнообразия!

Конечно, нетрудно подметить и проследить унификацию, стандарт, нивелир, одностонность в таких малointересных случаях, как "хот доге" или запах жареной кукурузы в каждом кинотеатре, однако, в менее поверхностных случаях обобщать в этой сфере очень трудно.

1979 г.